

A close-up, high-contrast photograph of a violin, showing the body, f-hole, and strings. The lighting is dramatic, highlighting the curves of the instrument against a dark background.

18+

михаил садовский

вера

в

сомнение

Михаил Садовский

**Вера в сомнение.
Книга стихотворений**

«Издательские решения»

Садовский М.

Вера в сомнение. Книга стихотворений / М. Садовский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555569-4

В новой книге стихов известный поэт Михаил Садовский продолжает разговор с читателем о самом волнующем человека в современном роботизированном мире. О его возможности сберечь этот мир и свои горячие человеческие чувства, о месте в нём равнодушного создателя, о сути и роли стихов во всём мироздании, об отношениях власти и поэта. Зоркий наблюдатель, он по-своему трактует многие события, книга будет интересна, как молодым людям, так и умудрённым жизненным опытом.

ISBN 978-5-00-555569-4

© Садовский М.
© Издательские решения

Содержание

«Сомнение – мой самый верный друг...»	7
«Достоинство любого ремесла...»	8
«Нет, целый мир не может онеметь...»	9
«Когда бы озаренья вдохновений...»	10
«Стихи писать – тяжёлая работа...»	11
«То слово, поразившее меня...»	12
«Едва вставал, поверженный, порой...»	13
«Уйти с неутолённой жаждой...»	14
«Явило утро лишнее пространство...»	15
«Не надо раскрашивать небо...»	16
«Стихи открыли тайны бытия...»	17
«На тишину...»	18
«Мы с Рифмой всегда одиноки...»	19
«Метель в апреле. Ждём её конца...»	20
«Ты шутишь, век...»	21
«Какая странная игра...»	22
«Ни мастерство, ни крепкие знакомства...»	23
«Талант – не рента Божья ...»	24
«Увы, привычно входят в дом...»	25
«Ленты строк на моей бескозырке...»	26
«Синонимы вокруг меня вертятся...»	27
«Всё тот же лес...»	28
«Мне быть бы деревом в лесу...»	29
«Эсперанто дождя...»	30
«Под пули лез. Наивно он...»	31
«Я жил, уставы презирая...»	32
«Поэт не научит поэта!..»	33
«Молва за что-то ветреной зовёт...»	34
«Я, чтобы нервы успокоить...»	35
«Не обязан интригою...»	36
«Никуда не делось...»	37
«Разве так редко...»	38
«Отчего соловей не боится сбиться?..»	39
«А почему мне это важно...»	40
«Вокруг меня...»	41
«Вся жизнь – работа. Не лесоповал...»	42
«Что от жизни можно сохранить...»	43
«Исполнены отваги...»	44
«Случайно ли мы встретились с тобой...»	45
«Косые струи по земле плясали...»	46
«Купил я новую тетрадь...»	47
«Целый день цифровые сексоты...»	48
«Всевышний, отчего же...»	49
«Осень. Стал прозрачней звук...»	50
«Не верит сад, что никому не нужен!..»	51
«Осень. Листва пожухла...»	52

«Мечусь, но по следам твоим иду...»	53
«Загустел неухоженный сад...»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вера в сомнение

Книга стихотворений

Михаил Садовский

Ольга Колоколкина *Дизайнер обложки*

Светлана Чеканова *Корректор*

© Михаил Садовский, 2021

© Ольга Колоколкина, художник, 2021

ISBN 978-5-0055-5569-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Сомнение – мой самый верный друг...»

Сомнение – мой самый верный друг,
Оно не даст пойти кривой дорогой,
Когда весь мир несправедлив вокруг,
Оно мне суд и критик самый строгий.

Оно и недоступно, и свежо,
Приходит в час тревоги и творенья
Таможенным желанным рубежом
Пред каждою строкой стихотворенья.

Минувшие, грядущие года
Сомнение живёт во мне с рожденья,
Нет лишь в одном сомненья никогда —
В его любви и дружбе нет сомненья.

«Достоинство любого ремесла...»

Достоинство любого ремесла,
А это, понимаю, так немало,
Что как бы криво жизнь ни пошла,
Кто им владел, того не покидало.

Уменью столяра везде привет,
Не ляжет спать он никогда голодным,
А что получит за строфу поэт,
И будет ли, наивный, он свободным?!

Я прожил жизнь, понять бы мне пора,
Но дерзко и предположить не смею:
Какая страсть толкает столяра
Из строк рядить себе петлю на шею?!

«Нет, целый мир не может онеметь...»

Нет, целый мир не может онеметь
Лишь потому, что Моцарт есть и Пушкин,
Для коих немоты не значит смерть,
И грех творцов при жизни им отпущен.

Иль в самом деле души нам даны
Лишь для того, чтобы Творцу служили?
Но столько гимнов в честь его сложили,
Что, может быть, мы больше не нужны?!

А чтобы род людской существовал,
Чтобы в любви мы гениев рожали,
Накал сердечный ярко б так сверкал,
Как солнце на клинка смертельном жале!

Иного нет и в мире звёзд пути:
Пытаться, падать жертвой, возрождаться,
Единому стремленью подчиняться,
Чтоб вечные шедевры превзойти.

«Когда бы озаренья вдохновений...»

Когда бы озаренья вдохновений
Могли однажды стены нам явить:
Как расцветал Михайловского гений,
Как мог «Капричос» Гойя воплотить?!

Чтобы понять незримую работу
И насладиться их святым трудом,
Не с тем, чтобы воспользовался кто-то,
Но восхититься давшим всё Творцом.

И сколько бы, страдая, ни учиться,
И как бы пьедестал ни примерять —
Поэтом можно только лишь родиться,
И от ученья гением не стать!

«Стихи писать – тяжёлая работа...»

Стихи писать – тяжёлая работа,
Не столбиком слова, не напоказ,
Работа эта – до седьмого пота
И до изнеможенья каждый раз.

Как у хирурга на открытом сердце,
Как у сапёра на передовой,
До полного износа и до смерти,
Привычная тебе или впервой!

Такие строки ветром не уносит,
Их не смывает талая вода,
Они свежи, как в Болдинскую осень,
И остаются в мире навсегда.

«То слово, поразившее меня...»

То слово, поразившее меня,
Имело запах, цвет, температуру,
Запасы веры, крови и огня
И силу, превращающую в гуру.

Я тщетно избавления искал,
Его не в силах претворить желанья.
Оно не обещало пьедестал,
Ни славу, ни любовь, ни состоянье.

Я и хозяин был его, и раб,
В противоборстве жил, не зная страха,
Но, как перед лавиной снежной, слаб,
Меня накрывшей, от простого взмаха.

И силы нет, которая спасёт:
Ни денег мрак, ни власть, ни покаянье,
Ни бездна отрицанием высот,
Ни гнева месть, ни злости состраданье.

Творение любое на крови
Замешано... рождение дня над полем...
Но этот дух смертельно ядовит.
Никто над ним всевластием не волен.

«Едва вставал, поверженный, порой...»

Едва вставал, поверженный, порой,
Но, покорясь накопленному духу,
Всплывал, и возвышался над горой
Воды, и падал с ней в разруху.

То вознесёт спасённого, любя,
Волна, то на песок кидает,
И власть не то что тяготит тебя,
Но к плаванию снова побуждает.

Нам взлёты и падения нужны,
Насилье власти и её разруха,
Чтобы могли добраться глубины
Мы своего непознанного духа.

«Уйти с неуголѐнной жаждой...»

Уйти с неуголѐнной жаждой,
Чтоб позже целовать века,
Как жизнь была – понять однажды —
Неадекватно коротка.

Как много недоразумений
Неодолимых на пути,
И мне с рожденья данный гений
Не смог под гнѐтом расцвести.

Но не упущенным терзаться,
А, возмутив колодца гладь,
До звѐзд из глубины подняться,
Чтобы себя там отыскать.

Раздвинув дорогие тени,
Чтобы потомок дальний мог
Среди своих приобретений
Найти моих стихов венки.

И не считать, что не забыться
Не смог, не вспоминать потерь,
Но хоть одной строкой гордиться,
В бессмертье приоткрывшей дверь.

«Явило утро лишнее пространство...»

Явило утро лишнее пространство,
Навеки замолчавшие уста,
И новое настало постоянство —
Неведомая прежде пустота.

Не отменяло время власть привычек
И дней толпу велело разделять:
Грядущие – безжалостно на вычет,
Былые – жизни золотая знать.

Но по-другому всё Всевышний судит:
Законами бессмертья – не земли!
Из наших общих порванных сосудов
Живые строки в вечность потекли!

«Не надо раскрашивать небо...»

Не надо раскрашивать небо
И мерить его глубину,
Нельзя никому на потребу
Простить себе строчку одну.

В тот час, когда смотрят вершины
На солнце поверх облаков,
Те строки, что ниже, повинны,
Они тяжелее оков.

Я сам эту лестницу строил,
Ступенями строфы мостил
И рифмами страстного кроя
Выравнивал строки перил.

По ней мне теперь подниматься,
Чтоб краски для неба найти,
И с ними не фоном остаться —
Началом иного пути.

«Стихи открыли тайны бытия...»

Стихи открыли тайны бытия,
Движенья планетарные причины,
И ближе стала лунная ладья,
Границы мирозданья различимы.

Растратить непременно всё успеть:
Открыть любви космическую душу
И, не страшась, понять, что будет впредь,
Стихом раздвинув звёзды, что нарушу.

Никто не возвратится по следам,
Мы над строфой терзаемся и бьёмся,
Нам каждый слог всего на жизнь дан,
А мы в строке навечно остаёмся.

«На тишину...»

На тишину
Сползает слов туман.
Я в нём боюсь случайно заблудиться,
Неведома суровая граница,
Нет по следам пути обратно нам.

А там остались
Нежные слова,
Которые друг другу не сказали.
Их нет в тумане,
И уже едва ли
Найти сумеем.
Может, жизнь права,

И никогда
Уж им не повториться,
Страсть хороша,
Пока она нова,
Когда, смущаясь, мы едва-едва
Решаемся
Друг другу покориться.

И нас хранит
Тревожно тишина.
Давай не будем отдавать мгновенья,
Нам первые любви прикосновенья
Дороже в тишине, чем все слова.

«Мы с Рифмой всегда одиноки...»

Мы с Рифмой всегда одиноки,
Но только – в разлуке ни дня,
Дарю ей печальные строки —
Она покидает меня.

Всё ищут её непрестанно,
Порой берегут про запас,
Я с нею равняться не стану,
Кто в жизни счастливей из нас.

Свободна. И служит без срока
Любому, а ей невдомёк...
Быть может, и ей одиноко,
Как я без неё одинок.

Восходы меняют на зорю
У каждого нового дня.
Не жить мне без рифмы – не спорю...
Ей тоже не жить без меня.

«Метель в апреле. Ждём её конца...»

Метель в апреле. Ждём её конца,
Прихода солнца, а потом заката,
И снова бронзовый загар лица
Задумчиво заменит бледность марта.

С годами всё быстрее мелькают дни...
А что ж душа? Она так не умеет
Меняться быстро, веку не сродни,
И незаметно вянет и стареет.

Когда ж полна тобой, не всё ль равно,
Что за окном, – есть счастье ожидания,
Так ждёт поэт в бессонный час давно
С желанной Рифмой страстного свиданья.

«Ты шутишь, век...»

Ты шутишь, век,
Но я-то не хочу
Жить в страхе от звериных шуток, млея,
Вернуться к крестоносцеву мечу,
К молитве обречённого еврея.

Стихи – как солнце.
Солнцу всё равно,
Закрыли ль облака сегодня землю.
Свободным быть лишь сильному дано,
Я лишь стихам, строке и слову внемлю.

Оплавится кирпич,
Сгорит металл,
Истлеет холст, мелодии исчезнут,
Строку ещё никто не побеждал,
Она мостом перекрывает бездну.

Кто оборвал её, летит в провал.
Но те её продолжают, кто из света.
Чтоб мир шутить бездарно перестал,
Нужны лишь правда и строка поэта.

«Какая странная игра...»

Какая странная игра:
Рифмуют «завтра» и «вчера»,
Переменяя просто дни,
Хоть не стыкуются они.

Обыгрывают, не вдаваясь в толк,
Между собой долги и долг.
Такой бессмысленный полёт —
Судьбы убогой рифмоплёт.

Забыв при этом, что давно
На небе всё предрешиено.
И что вмешательство другое —
Одни сомнения и горе.

Грешно доказывать кому-то,
Что царь природы ты как будто.
Наполеоновским перстом
Земле указывать притом.

Не лазеры и автогены,
Должны притягиваться гены,
Чтоб жизнь новую создать,
Чтобы ошибки совершать,

Которые спустя века
Оценит мир наверняка,
Поскольку всё давно-давно
Планетами предрешиено!

«Ни мастерство, ни крепкие знакомства...»

Ни мастерство, ни крепкие знакомства,
Ни многолетнего собрания тома
Помочь не смогут... все мы не вернёмся
С прогулки на тот свет...
Сойти с ума:

Представить трудно,
Что вечно, а не в вечности живут
Все гении. Как стало б генийлюдно
От них, и сколько было бы тут смут.

Как бы жилось несладко средь потомков
Им в муравейном доме,
Но давно
Известно: с гением ужиться трудно —
Пространство им особое дано...

Там смертным ни родиться, ни плодиться —
И в гения лишь гений воплотится.

«Талант – не рента Божья ...»

Талант – не рента Божья —
Сомненья и труды.
Останутся, быть может,
В веках его следы.

Строкой или картиной,
Как явь презревший сон,
Не славой примитивной,
Не властью вознесён.

Как солнечная вспышка,
Хоть очень далека,
Дойдёт наградой высшей
Потомкам сквозь века.

Тогда о жизни давней
Поймут, как он страдал,
Как род неблагодарный
Таланту недодал.

Не думай сам об этом,
Судьбой назначен путь,
Родился ты поэтом,
Поэтом, значит, будь.

«Увы, привычно входят в дом...»

Увы, привычно входят в дом
Без спроса вечные стихии,
Они везде, когда не ждём,
То в ночи долгие глухие,

То в расточительные дни,
Когда от суеты всеильной
Нам кажется, что мы одни
Под властью клеветы обильной.

То в утешенье, как рассвет,
Когда ночуем мы с бедою,
То в сумерках бесщётных лет,
Когда сражаемся с собою.

Но вдруг, не требуя открыть,
Стихи в мои вломились двери...
Тут не до «быть или не быть?»,
А лишь: как оправдать доверье.

«Ленты строк на моей бескозырке...»

Ленты строк на моей бескозырке,
Океан неподкупен и строг,
Проверяюще в душу мне зыркнет,
Объяснит, как я тут одинок.

Это плавание мне не забава,
Не заблудшего путь, не игра,
Не нужна мне пиратская слава,
Развлекательных странствий ветра.

Принимай, штормовая стихия,
Для тебя и пришёл я на свет.
В дни прозрачные, в ночи глухие
Плыть мне, плыть до скончания лет.

Знаю я, что меня не отпустит
Полный штормов и радостей дом,
Ураганы и бухт захоlustье
Умещаются в сердце моём.

Не напрасно потрачены годы,
Я люблю, хоть стихия строга,
Океаны глубинной свободы
И обнявшие их берега.

«Синонимы вокруг меня вертятся...»

Синонимы вокруг меня вертятся,
Перебивают, места в строчке ждут,
А что нужны – по уголкам ютятся,
Никак обиде места не найдут.

Но волею ничьей не озадачен,
Не столбиком слова, не рифмовать,
Устроен мир иначе, и назначен
О нём я суть, по сути, рассказать.

И в каждом слове смогут уместиться
Оттенки все и все обертона,
Как в колоколе звуковая птица
Свободна, многозвучна и вольна.

Посмеет ли округа усомниться,
Когда пускает колокол в полёт
Её, и вылетает птица,
Клянёт она, зовёт или поёт.

«Всё тот же лес...»

Всё тот же лес.
Сквозь чащу продираюсь
В поляны
Бурно минувших годов,
И кажутся необъяснимо странны
Поступки,
Что принять я не готов.

Но жизнь, как черновик,
Не перепишешь...
Враньё, что так же б всё
Прожить хотел,
Когда другой сегодня ложью дышишь,
Стал винтиком опять глобальных дел.

Никто не спросит, ну, и не ответит:
Хотел бы, может, по-другому жить?
И всё сильнее дует жизни ветер,
И жёстче век по шпалам дней бежит.

Уж некому со мною возвращаться,
Сдирая кожу о стволы, назад.
И каждую прожитую страницу
Без лжи, но с кровью лишь стихи хранят.

«Мне быть бы деревом в лесу...»

Мне быть бы деревом в лесу,
Травинкой на поляне,
Дождём, что облака несут,
Кораллом в океане.

Парною пашнею весной,
Осенним сладким садом,
В июле тучей грозовой,
Зимою звонким градом.

Лишь так на свете стоит жить —
Частицею природы,
Чтоб мог весь мир тебя любить,
Не проклиная годы.

Добро и радость раздавать,
Но всё-таки при этом
Себя совсем не потерять —
Как прежде, быть поэтом!

«Эсперанто дождя...»

Эсперанто дождя,
Что по крыше стучит,
Сплетен рыжих осин,
Скрипа звёздных орбит,
Возмущенья снегов
Под спешащей пятой,
Разговора ручья
И молитвы сверчка —
Всем понятный, простой
Наш язык бытия,
Без усилий и бед
Одoleвший века,
Громогласный салют
Фейерверков, громов...
Взгляд безмолвный ловлю —
Всё понятно без слов.

«Под пули лез. Наивно он...»

Ответ Алексею С.

Под пули лез. Наивно он
Искал своё освобожденье,
Покинув власть, любовь, закон
И Музе гения служенье.

И там, за роковой чертой,
Он не сумел найти свободу,
Он превратился в перегой
Закону вечности в угоду.

Ревнивой наглости интриг,
Властей, докучных дел домашних,
Он думал, что в последний миг
Покинет край терзаний страшных.

Обмана сплетен, клеветы,
Предательства и лжи подлогов,
Манящей попусту мечты,
Нападок трусов-бандерлогов.

Укоров совести пустых,
Ничтожных личностей обмана,
Угроз надуманных святых,
Предчувствий грозных постоянно.

Надежд напрасных на закон,
Подвластный только злату власти...
Напрасно, гений, думал он
Уйти от пут бессмертной страсти.

Свобода – лишь химеры сон
И в созиданье, и в науке,
Мир в несвободу погружён!
Взял дьявол жизнь на поруки!

Победу надо защищать
От клеветы наносной пыли,
И умерев, не передать,
В какой мы несвободе жили!

«Я жил, уставы презирая...»

Я жил, уставы презирая,
И обходил их стороной.
Звезда светила нам пустая,
Жила удача не со мной.

От страха никли занавески,
Тянул в могилу тяжкий род,
Как вдоль дороги перелески:
Не горе, так года невзгод.

Когда нежданная улыбка
Тонула в птичьем молоке,
Качалось счастье в люльке зыбкой,
И дни летели налегке.

Собрал я всё, что жизнь давала,
И не старался, не берёг,
А оказалось очень мало
Всего, но не седых тревог.

Звезда мерцает, но не светит,
Уже и ангелы трубят.
Свободен от всего на свете,
Лишь не свободен от себя.

«Поэт не научит поэта!...»

Поэт не научит поэта!
Сто раз перечитывай вновь,
Строку образует не это,
А только борьба и любовь.

Есть рифмы, и ритмы исчисли,
Но будет пустым разговор,
Когда лишь банальные мысли
На плоского мира простор.

У каждого в мире поэта
Есть свой дидактический свод,
И главное тайное это
Лишь только к успеху ведёт.

«Молва за что-то ветреной зовёт...»

Молва за что-то ветреной зовёт
Её, педант клянёт в разборе строгом,
Я чувствую – она во мне живёт,
С младенчества дарованная Богом.

С рождения до гробовой доски
Мы неразлучны, как светило с тенью,
Рифмуя, проявляла суть строки,
Оправдывала муки вдохновенья.

Я не просил, и верится с трудом,
Что я любви великой удостоен,
Быть может, просто, как удобный дом,
Я специально для неё построен.

Когда над полем звёздный дождь идёт
И тьму пронзают тысячи иголок,
Я чувствую, как вечен небосвод,
И понимаю, как мой путь недолог.

Но на плечо ей голову кладу,
И времени не властен миг слиянья,
Тогда с любимой Музой я иду
Послушно в путь бессмертного скитанья.

«Я, чтобы нервы успокоить...»

Я, чтобы нервы успокоить,
Тетрадь заветную беру,
Как жизнь во тьме бесовской строить,
С ней размышляю и не вру.

Нигде мне в мире не любезно,
Всё душу ранит и казнит,
И поглощающая бездна,
И бренной памяти гранит.

И мусор мелочей вседневных,
Долгов сердечных суета
От бесконечных вспышек гневных
До беззащитности листа.

Мы, здесь рождённые рабами,
Своей свободой лишь живём,
Не облачённые деньгами,
С другой не встретившись, уйдём

В тот век, что этот мир проглотит,
Там алгоритм – жизни плод,
Восстав ему хоть кто-то против,
Смутясь, мои стихи найдёт...

«Не обязан интригою...»

Не обязан интригою
Никакому завету...
Дождик тихий, и прыгают
Капли с ветки на ветку.

Сеет он, не старается,
Моросит наугад,
Капли с веток срываются,
Беззаботно летят.

То за ветку зацепятся,
Станут стайкою брызг,
Не стремятся, не целятся,
Разбиваются вдрызг.

Я им грустно завидую,
Весь промокший стою,
Пору полузабытую
Вспоминаю свою.

«Никуда не делось...»

Никуда не делось
Третье отделение,
От него откажется
Вряд ли белый свет.

В непрерывном бдении
Так же всё куражится,
Бенкендорфов много —
Пушкина всё нет.

«Разве так редко...»

Разве так редко
В жизни бывало:
Прошлого много яснее вдали —
Анна Андреевна
Заревновала
К первой красавице русской земли.

Если бы казус
В мире случился —
Переместило бы время года,
И за Ахматовой бы волочился,
Очень возможно, Пушкин тогда.

«Отчего соловей не боится сбиться?..»

Отчего соловей не боится сбиться?
Вдруг такое коленце заложит,
Что и сам ещё удивится —
Занесло! Но и рад, что может.

Я уже полчаса стою под дубами,
Шарю взглядом, ищу по веткам,
Но найти певца не судьба мне,
Знаю, что пропоёт ответом.

В этом мире он ничего не ищет,
Здесь гостует он год от года
И что хочет поёт и свищет,
Потому что внутри свобода...

«А почему мне это важно...»

А почему мне это важно
Знать, что полтыщи лет назад
Исчезло тело Караваджо,
И в рай попал он или в ад?

Никто не видел и не знает,
Где он навеки погребён,
Где эхо до сих пор гоняет
Прощальный погребальный звон.

Что он пред Господом ответил
В последний час в июльский день,
Что для него важней на свете:
Сиянье или сиянья тень.

И стоило ли жизнь потратить
Затем, чтоб убедились мы,
Что истины святое платье
Из света соткано и тьмы.

«Вокруг меня...»

Вокруг меня
Любимый женский род,
Он дарит мне великое:
Рожденье —
Рука, строка, строфа...
Их Муза шлёт,
А рифма
Побуждает повторенье.

И не спускает глаз
С меня Пегас,
Он ждёт, когда его
Я оседлаю,
Поскачем и
Подарит новый час
Стихи —
Я это точно знаю.

Но удивлённо
Буду я следить,
Как выстроятся
Буквы на бумаге,
И сколько,
Чтобы строчку сотворить,
Любви необходимо
И отваги.

«Вся жизнь – работа. Не лесоповал...»

Вся жизнь – работа. Не лесоповал.
Но день и ночь: сбылось иль не случилось.
До пульса я в сто сорок уставал,
Иль море на закате тихом снилось.

Я не боялся тяжкого труда,
И отбивать не надо было табель...
Так уплывала жизнь без следа
Хоть краткого, как на воде хотя бы...

Пусть рукописи даже не горят
И в памяти небес хранятся вечно,
Но душу кто мою вернёт назад?
Зачем я с ними расстаюсь беспечно?!

И в памяти учёта не веду.
Не потакаю попусту гордыне,
Но тянет быть у мира на виду
Не в светлом завтра, не в раю, а ныне...

«Что от жизни можно сохранить...»

Что от жизни можно сохранить
Из того, что довелось любить?..
Тишину, небес голубизну,
Уходя, я всё земле верну.

Добрых слов неповторимый звук
И друзей, и дорогих подруг,
Всё, что совершил, не совершил,
Будто безымянный кто-то жил.

Ничего с собой я не возьму,
В свет уйду иль погружусь во тьму.
Если там в толпе меня найдут,
Всё, что мне положено, дадут.

Но, быть может, через толщу лет
Кто-нибудь найдёт неясный след —
Корни будут из земли торчать,
То, что не успел я дописать.

Что не проросли через года,
Но остались в жизни навсегда.
Строк моих неопенённых след...
Ничего прочнее в мире нет.

«Исполнены отваги...»

Исполнены отваги,
В зал, что от звуков чист,
Из рам выходят Вагнер,
Чайковский, Шуман, Лист...

Ни разу не пропущен,
Ни в дни торжеств, ни бед,
Для всей земли насущный
Всемирный редсовет.

Никитская замолкла,
Спит Возрожденья храм,
Придёт оркестр только
В два ночи по часам.

Поклонится великим
Гергиев – дирижёр,
Расправятся их лики,
Замолкнет разговор.

Смычки разбудят скрипки,
И хор органных труб
Вздохнёт, гобой окликнет,
Уж флейты все у губ...

Покой в Москве огромной,
И светофоры спят,
Лишь только астрономы
Полёт Земли следят.

Космическую встречу
Чтоб нам не пропустить
И музыкою вечной
Пришельцев угостить.

Неторопливо блики
На стенах спор ведут,
И редсовет великих
Сидит в седьмом ряду.

«Случайно ли мы встретились с тобой...»

О. К.

Случайно ли мы встретились с тобой,
Какой был месяц? Вроде листво́й?!
Вокруг лишь чёрно-серые рисунки
В полутонах без доминант цветных,
Казалось, что в дожде размокли сутки
И ты запечатлеть сумела их.

В равнодушие к осени моём
Таилось то, что выхода искало,
Я встретил линий точные лекала,
Знакомый с детства мне еврейский дом,
Велосипед – катался я, сквозь раму
Просунув ногу детскую свою,
И бобе, и свою больную маму,
И слов полузабытую семью.

Откуда знала ты, взяла всё это?
Нет, не случайно встретились с тобой...
Какая разница – зима ли, лето!
Рисунков был счастливый листво́й!

«Косые струи по земле плясали...»

Косые струи по земле плясали,
Шёл пьяный дождь по вымокшей земле,
И листья, вдрызг отяжелев, свисали,
Линейки вкось сползали на стекле.

В слепящих вспышках это всё сверкало,
Бежало от кого-то, вскачь неслоь,
А небо хохотало, грохотало,
Сверканьям во всю прыть отзывалось.

И в шуме капель эхо не стихало,
Ручьи громopodobные текли...
Так становились наяву стихами
Шедевры мира – неба и земли!

«Купил я новую тетрадь...»

Купил я новую тетрадь,
Страниц в текущей мало.
Успею ль столько исписать,
Тяну свой век устало...

Быть может, стоит мне опять
На вырванном листочке
Стихотворенье иль, как знать, —
Лишь по строфе, по строчке.

Заметит критик: до чего ж
Высокого полёта:
На весь листок — одна строка!
Тяжёлая работа...

Но вероятнее всего,
Мой труд его не тронет...
Я не кумир, не божество,
И всё в обрывках тонет...

Нет. Не напишет ничего.
Ну, что ему за дело...
И без того мне повезло:
Писать не надоело.

«Целый день цифровые сексоты...»

Целый день цифровые сексоты
Вычисляют безудержно нас,
Вечерами ползём в свои соты —
Там следит телевизора глаз.

Как доверием не соблазниться:
Стоит будто бы нам разрешить —
Денег больше не станет, но лица
Могут просто товар оплатить!

В синагоге, мечети и в храме
За толпой непрерывно следят,
На стене не минует и в раме
Никого механический взгляд.

Ухожу я в чащобу лесную,
И берлогу медвежью найду,
Может, там хоть разок заночую,
Отведу цифровую беду.

Одолев вековую отсталость,
Мы безудержно рвёмся вперёд,
Что же в жизни живого осталось —
Смаковать цифровой анекдот?!

«Всевышний, отчего же...»

Всевышний, отчего же
С Вами все на «ты»?
Я просто удивлён —
Не надо мне ответа,
Быть может, всё от их
Духовной пустоты,
А может, потому,
Что с Вами ближе это?!

Вы всё же старше их!
А может, стариков
Теперь и уважать
Уже совсем не в моде?!
Но позади у Вас
Печальный строй веков...
Похлопать по спине
Их не удастся вроде...

Я думаю, когда
Вас мысленно прошу,
Чтоб мудростью своей
Со мной Вы поделились,
Амигошонства я
Совсем не выношу,
На «ты» уж иль на «вы»,
Но чтоб их дни продлились!

«Осень. Стал прозрачней звук...»

Осень. Стал прозрачней звук,
Ближе голос электрички,
Как обугленные спички,
Разлеглась ботва вокруг.

Дачи грустные стоят
Опустевшего посёлка,
Накопила шишек ёлка,
Беззащитен голый сад.

Погружение в покой,
Огород копать не надо,
Гулко падают, как ядра,
Яблоки на шар земной,

Неба голубая сыпь.
Неизбежность расставанья.
Сладких дней воспоминанья —
Тихой осени часы...

«Не верит сад, что никому не нужен!..»

Не верит сад, что никому не нужен!
Его растущий город охватил,
По-прежнему в нём пчёлы дружно кружат,
И дождик изо всех ласкает сил.

А он, как прежде, яблоки роняет,
Встречает щедро августовский Спас,
Но яблоки никто не подбирает,
И с удивленьем смотрит сад на нас.

Не понимает он, что изобилье
Его не нужно больше никому,
Что столько лет мы с ним друзьями были,
Что ж случилось, не поведали ему.

Какие же могучие вулканы
Взломали мир, где он столетье рос,
Наш старый сад, доверчивый и странный,
Как жизни новой заданный вопрос...

«Осень. Листва пожухла...»

Осень. Листва пожухла.
Гонят её ветра.
Встречу – и что скажу я
Тем, кого знал вчера?

Вовсе другими ставшим
В тяготах долгих лет,
Думать об это страшно,
Смысла в том вовсе нет.

Выглядит всё иначе —
Новая жизнь вокруг,
Что-то другое значит
Старое слово друг.

Кто из моих тогдашних
Друг? Ну, а если нет?
Кто из цветов увядших
Может собрать букет?

Осень принять не просто —
Старости суть и стать.
Времени новый остров
Сил уже нет познать.

«Мечусь, но по следам твоим иду...»

Мечусь, но по следам твоим иду,
Они мои потерянные строки,
Всё наяву, наивно, как в бреду, —
Молчанья, ожидания, упрёки.

Играю будто в странную игру,
Своей душой ищу твою потерю.
Тому, что, удивившись, подберу,
Я верю сразу, даже не проверю.

В твоём молчанье кроются слова,
Во взгляде то, что вижу, даже знаю,
Чего невольно я коснусь едва,
Меня пронзает, как стрела сквозная.

Так меж деревьев осени струна,
Блестя на солнце, тянется и вьётся,
Но обречённо боль её видна,
Что скоро непременно оборвётся.

«Загустел неухоженный сад...»

Загустел неухоженный сад,
Перепутались ветви и тени,
Птицы будто напомнить хотят
Коммуналки галдящей смятенье.

Не хочу убирать, удобрять,
Дождевую прилаживать кадку,
Для чего позволять мне опять
Разрушать мою радость порядку...

Жили мы в беспорядке таком —
Не сравнится с запущенным садом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.